

Отсюда идея посланничества, которое лозунгово формулирует Дмитрий Мережковский: «Мы не в изгнании. Мы – в послании». Расшифрованная словами Г. Флоровского о «призвании», «зове и задании, поставленном в Божьем замысле», эта формула позволяет обнаружить тот ресурс, тот источник, в котором черпали свою силу русские религиозные мыслители вдали от родины. Эмиграция заново открывает для себя православие, идентифицируя его с путем возрождения России.

Источники и литература

1. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1991.
2. Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920-1995. М., 2007. С. 42.
3. Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Русская идея: В кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 341.
4. Бунин И. Миссия русской эмиграции. Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г. // Русская идея: В кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 202-210.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НАРОД В ПРЕДСТАВЛЕНИИ НЕОНАРОДНИКОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

Салтык Г.А.
г. Курск, Россия

В начале XX века одни считали, что русская интеллигенция «есть либеральная буржуазия», другие утверждали, что она является надстройкой над привилегированными классами России, выразительницей их классовых интересов, третьи верили в то, что русская интеллигенция оторванная от жизни, отбившиеся от всяких классов теоретики, отрицающие истинно русские начала и руководимые ...Западом...»[1]. Одни считали, что «интеллигенция составляет образованную часть общества, прошедшую высшие учебные заведения». К ней относили учителей, докторов, инженеров, юристов, художников и т.д. Другие утверждали, что интеллигенция – «это все то, что разумеется под словом культурные люди, т.е. культурные классы населения».

Неонародники (представители партии социалистов-революционеров, народных) начала XX века в кардинальный признак интеллигенции вкладывали знания, способность к созиданию, усвоению и пропаганде революционной теории, высокий уровень нравственной ориентации. Так, С. Елпатьевский в статье «По поводу разговора о русской интеллигенции» утверждал, что «ученый, художник, отдавший свою жизнь на дело науки и знания, на воплощение в мраморе, в слове, в красках, в музыке своих дум и чувств, тем самым, по самому чисто общественному характеру своей деятельности - интеллигент; но ученый, продавший свое научное первородство за сытную чечевичную похлебку, выходит из рядов интеллигенции, и тот писатель, который проповедует человеконенавистничество и вносит раздор национальностей в стране, будет прав, отгораживая себя от интеллигенции, потому что он не интеллигенция страны» [2].

Для неонародников интеллигенция внесловна, внеклассовая, она «не имеет права рождения; в ней нет права сословия, печати социального положения и нет давности, нет пенсии за выслугу лет». По их убеждению возникновение интеллигенции было результатом «имманентного движения духовной первоосновы». «Силой внеклассовой», или правильнее, «межклассовой» интеллигенцию считал и лидер социалистов-революционеров В.М. Чернов. При чем, по его мнению, это была сила, с которой приходилось считаться каждому. «Игнорировать ее (интеллигенцию – Г.С.), значит закрывать глаза на действительность», - писал он в «Социалистических этюдах» [3].

Полагая, что интеллигенция, является «неоплатным должником» народа, неонародники призывали ее отдать идейные силы борьбе «за пробуждение классового, народного и человеческого самосознания в массах». Они были уверены в том, что рано или поздно произойдет слияние народа и интеллигенции. Так, А. Пешехонов восклицал: «Только слившись со своей интеллигенцией, русский народ обретет свои действительные силы», и из «людской пыли» и «бессвязных толп» превратится в свободную и великую нацию» [4]. В.М. Чернова же искренне был уверен в том, что только «...правильная оценка роли интеллигенции ... может привлечь работника мысли ... равноправным сочленом в тот тройственный союз, в котором двумя другими сочленами будут работник сохи и работник фабричного станка. «Серп» и «молот» должны третьим равноценным собратом иметь «книгу» [5].

В целом, по образному выражению неонародников, интеллигенция призвана была помочь пролетариату и трудовому крестьянству осознать себя рабочим классом. Именно она «способна была определить будущее класса», «могла организовать его и руководить его повседневным поведением» [6].

Конечно же, революционеры пытались воплотить в жизнь свои теоретические рассуждения об исторической миссии интеллигенции. Они становились во главе подпольных групп, были вдохновителями и организаторами революционных действий населения. К примеру, большинство руководящего состава неонароднических организаций Черноземного Центра России представляли учителя, врачи, гимназисты, студенты, земские деятели. Прежде всего, хотелось бы назвать имена В.М. Чернова, А. Слетовой, М.А. Спиридоновой, Е. Жилинской, П. Шавердо, Ф. Казанцева, Коган-Бернштейна и др [7]. Все они играли заметную роль в революционной борьбе населения исследуемого региона в 1902-1917 гг.

Источники и литература

1. Елпатьевский С. По поводу разговора о русской интеллигенции // Русское богатство. 1905. № 3. С. 57 - 82.
2. Там же. С. 59.
3. Чернов В.М. Социалистические этюды. М., 1908. С. 332-343.
4. Пешехонов А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. № 4. С. 97 - 127; № 8. С. 132.
5. Чернов В.М. Конструктивный социализм. М., 1997. С. 25.
6. Программа трудовой (народно-социалистической) партии // Народно-социалистическое обозрение. 1906. № 1. С. 7.
7. Салтык Г.А. Неонародническое движение Черноземного Центра России: 1901-1923 гг. М., 2002. 575 с.

ПРОТОИЕРЕЙ СЕРГИЙ БУЛГАКОВ В КРЫМУ: ЖИЗНЬ, ТРУДЫ, ИЗГНАНИЕ**Филимонов С.Б.****г. Симферополь. Украина**

1. Так уж случилось, что последним местом пребывания на Родине одного из авторов сборника «Вехи» выдающегося русского религиозного мыслителя священника Сергея Булгакова (1871 – 1944) стал Крым. Здесь в 1918 – 1922 годах Булгаков был профессором Таврического университета (он руководил кафедрой истории экономических и социальных учений, преподавал политическую экономию, читал лекции по кафедре богословия), преподавателем Симферопольской духовной семинарии, членом Таврической ученой архивной комиссии, Религиозно-философских обществ в Симферополе и Ялте, Общества философии, истории и социологии при Таврическом университете, служил в церквях Кореиза, Симферополя, Гаспры и Ялты. С приходом в Крым в ноябре 1920 года большевиков Булгаков был изгнан из университета, а в 1922-м, одновременно со многими другими корифеями русской науки, - и из страны. В результате Булгаков оказался вычеркнутым из памяти нескольких поколений советских людей, ничего не знавших о его судьбе и творчестве. В последние годы его творчество востребовано, вызывает живой интерес биография философа и богослова. Однако некоторые страницы жизни отца Сергея оставались изученными недостаточно. Особенно это касалось крымского периода его деятельности. Найденные мною архивные и малоизвестные печатные источники позволяют восполнить этот пробел.

2. Сергей Николаевич Булгаков родился в 1871 году в городе Ливны Орловской губернии в семье потомственного священника. Следуя традиции, Сергей, окончив Ливенское духовное училище, поступил в Орловскую духовную семинарию. Но в 14-летнем возрасте, потеряв веру, уходит из семинарии в Елецкую гимназию, а в 1890 году поступает на юридический факультет Московского университета. Специализируясь в области политической экономии, Булгаков становится теоретиком «легального марксизма». Но в начале XX века он отходит от марксизма и через идеализм возвращается в Церковь. С 1895 года молодой ученый преподает политэкономии в вузах Москвы, с 1901-го – Киева, с 1906-го – снова Москвы. В 1907 году Булгаков был членом 2-й Государственной Думы, в том же году разогнанной царским правительством. В 1898 году Сергей Николаевич женился на Елене Ивановне Токмаковой. С тех пор каникулярное время он проводил в Крыму, где в Олесе у жены было имение. В Крыму Булгаков встречался и имел беседы с рядом выдающихся деятелей науки и культуры – Львом Толстым, Николаем Бердяевым, Максимилианом Волошиным. В 1909 году Булгаковы пережили страшное потрясение – кончину младшего из троих детей, 4-летнего сына Ивана (похоронен в Кореизе). В августе 1917 года в Москве открылся Всероссийский Поместный Собор Русской Православной Церкви. Булгаков был избран членом Собора от мирян Таврической епархии. По поручению избранного на Соборе Патриарха Булгаков написал «Послание Святейшего Патриарха Тихона о вступлении на Патриарший Престол», датированное 18 декабря 1917 года. Именно в это время, ознаменованное началом чудовищных гонений на Церковь, Булгаков принимает смелое решение стать священником. Получив благословение Патриарха Тихона, в июне 1918 года Булгаков был рукоположен во священника. Тогда же, в условиях Гражданской войны, Булгаковы окончательно обосновались в Крыму.

3. В 1919 – 1920 годах на заседаниях крымских Религиозно-философских обществ и Общества философии, истории и социологии Булгаков выступает с докладами «Духовные корни большевизма», «Памяти В.В.Розанова», «О церковном богослужении», «О святых мощах (по поводу их поругания)», «Трое (о единой России)», «Кризис русского самосознания (Родина или интернационал?)», «Князь Е.Н.Трубецкой как религиозный мыслитель». В Крыму Булгаков написал книги «Философия имени», «Трагедия философии», диалоги «У стен Херсонеса» (в последней работе особенно заметно увлечение католицизмом, пережитом Булгаковым в Крыму). 1 (14) октября 1919 года в однодневной газете Таврического университета «Vivat Academia!», посвященной первой годовщине университета, была напечатана статья Булгакова «Религия и наука». 12 – 14 сентября 1920 года, на исходе Гражданской войны, в целях поднятия в Крыму религиозно-нравственного чувства, Временное Высшее Церковное Управление (ВВЦУ) на Юго-Востоке России провело «Дни покаяния». Булгаков от имени ВВЦУ подготовил текст специального послания к населению. В послании среди многочисленных грехов россиян поминалось и убийство царской семьи с невинными детьми...

4. С сентября 1921 года Булгаков служит 2-м священником в ялтинском Александро-Невском соборе. Конечно же, он находится «на учете» у «компетентных органов». В октябре 1922 года Булгаков был арестован, препровожден в Симферополь, допрошен, а в декабре, в соответствии с предписанием московских властей, выслан за границу «бессрочно». (Как доносили чекисты своему руководству, Булгаков с семьей был отправлен из Севастополя в Константинополь на пароходе «Жан» 14 (27) декабря 1922 года).